

УДК 327

ФОРМИРОВАНИЕ КАСПИЙСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

А.В. Белоглазов

Аннотация

Статья посвящена формированию каспийского направления российской геополитики, происходившему в XVI – XVIII вв. В ней раскрываются предпосылки и процесс проникновения России в Каспийский регион, исследуется ее геополитическое соперничество с региональными лидерами – Персией и Турцией. Особое внимание уделяется использованию Россией различных геополитических факторов и разнообразных методов для закрепления в регионе и расширения сферы пространственного контроля.

Каспийский регион – важнейшее геополитическое узловое пространство стыка нескольких этнокультурных плит, понимаемых как единство суперэтноса, историко-географического ландшафта, породившего этот суперэтнос и семиотического пространства, порожденного суперэтносом [1]. Задолго до открытия здесь богатейших месторождений углеводородного сырья Каспий уже был ареной ожесточенного геополитического соперничества трех основных региональных лидеров – России, Персии и Турции, осознававших его стратегическое значение. В настоящей статье основное внимание уделяется вопросам проникновения в Каспийский регион России, закрепления ее здесь и методам контроля над пространством.

Российское продвижение в регион можно подразделить на три основных этапа. Первый этап, самый длительный, ознаменовался продвижением на Каспий и закреплением на северном и северо-западном его побережьях, то есть территориях нынешней Российской Федерации (XV – XVIII вв.). Второй характеризуется присоединением и освоением юго-западного и восточного побережий, то есть прикаспийских территорий Закавказья, Казахстана и Средней Азии (XIX – XX вв.). И, наконец, третий этап, самый короткий, охватывающий последние 12 лет, определяется процессом отката России на территории, освоенные еще на первом этапе. Каждый из них, безусловно, заслуживает самостоятельного исследования. Настоящая работа, посвященная первому этапу, акцентирует внимание на появлении России в регионе, использовании разнообразного геополитического инструментария для закрепления здесь, выстраивании опорных точек и геополитических лучей, активном проведении целенаправленной политики с использованием различных геополитических факторов и расширении сферы пространственного контроля.

Предпосылки и начальный период формирования каспийского направления российской геополитики (вторая половина XV – XVI вв.)

Реализация Каспийского направления зарождается в недрах более общего южного вектора российской геополитики, сформировавшегося во второй половине XV в., после вокняжения Ивана III. Его формирование проходило первоначально в общем контексте собирания русских земель вокруг Москвы и геополитического освоения Восточно-Европейской равнины.

Когда в новом государстве появилось достаточно энергии для расширения, оно объективно стремилось принять наиболее адекватные геополитическим константам региона размеры и очертания. Государство как бы «вливалось» в географическую форму, ограниченную естественными преградами, располагающимися по окраинам Восточно-Европейской равнины. В идеале для России XV в. наилучшей границей на севере служило побережье Северного Ледовитого океана, на востоке – Уральские горы, на юге – побережья Черного, Азовского и Каспийского морей и соединяющий их Кавказский хребет, на западе – побережье Балтийского моря и Карпаты.

Идеальной северной границы государство достигло уже в 1470-е годы с присоединением громадных Новгородских земель. Оно же позволило установить часть оптимальной на тот период границы на востоке – северный Урал приблизительно до 68 градуса северной широты. Южнее простиралась сфера влияния Казанского ханства, но после его присоединения в 1552 г., и здесь был достигнут оптимальный результат – Россия вышла в Предуралье по всей своей восточной границе.

На западе движение России первоначально ограничивали три достаточно сильных и враждебно настроенных государства – Швеция, включавшая в себя и территорию Финляндии, Ливония (условное название для целого ряда политических образований в Прибалтике, объединенных под властью Ливонского ордена) и Литва. После административно-территориального слияния последней с Польшей по Люблинской унии 1569 г. в Речь Посполитую наш ближайший западный сосед значительно усилился. Незадолго до этого развалившийся под ударами России Ливонский орден перестал существовать, и его земли были поделены между Польшей, Литвой, Швецией и Данией. Таким образом, с конца XVI в. на западном направлении у России осталось лишь два, но зато очень сильных соседа – Швеция и Речь Посполитая, сдерживающие ее продвижение до XVIII в.

На южном направлении ситуация складывалась весьма неоднозначная в геополитическом плане. Там существовали два ханства, выделившиеся в середине XV века из Золотой Орды – Крымское и Астраханское, однако ни с одним из них Россия первоначально не имела общих границ. Соответственно, российская геополитическая экспансия по южному вектору в данный период проводилась в двух основных направлениях – Черноморско-Азовском и Каспийско-Кавказском. Основными путями продвижения были реки Дон на первом направлении (Днепр в среднем и нижнем течении находился под контролем Речи Посполитой) и Волга – на втором. В конце периода наметилось третье направление – Центральноазиатское, но первые серьезные шаги на нем были сделаны в последующие периоды.

Первоначально это продвижение было связано не столько с приобретением новых территорий, сколько с необходимостью обезопасить население южных земель государства от враждебных набегов. В этот период не так велика была убыль населения в сражениях как от постоянного увода людей в неволю. «Чтобы оградить границы от степных хищников, приходилось, прежде всего, устраивать целый ряд засек и сторожевых постов, которые тянулись на сотни верст, огибая южную границу, начиная от берегов Оки с притоками под Рязанью и далее на Западе. Кроме того, каждую весну приходилось мобилизовывать полки на защиту этой границы, поднимая ежегодно на ноги многотысячную рать», – писал А.А. Корнилов [2]. Стремясь обезопасить себя, московское правительство строило все новые и новые города, отодвигая сторожевую цепь все более и более к югу, поселяя здесь ратных людей, стремясь устроить из них как бы живую изгородь. Так шла постепенная колонизация плодородных степных пространств к югу от московской границы.

Однако засечные черты не совпадали полностью с границами. Южная граница России в этот период была чрезвычайно динамична и выглядела не более или менее ровной фронтальной линией как на остальных направлениях, а «клином», а позднее и несколькими «клиньями», нацеленными на юг, и далеко выходящими за границы укрепленных засечных черт. На острие обычно располагался укрепленный сторожевой пункт, как правило, позже превращавшийся в город. Причем каждый клин постоянно смещался не только по широте, но и по долготе.

На 1490 г. этот клин простирался от основания – засечной черты, проходившей через Одоев, Тулу и Венев до Ельца на его острие. После присоединения Рязанского княжества в 1517–1521 гг. южный «атакующий клин» сместился юго-восточнее. Основанием его была засечная черта, проходившая через Рязск, Сапожок и Шацк, а острие располагалось у впадения в Дон реки Воронеж (позже, в 1586 г. на этом месте возник город Воронеж). Затем, по мере освоения «Дикого поля» на юге Чернигово-Северских земель, присоединенных еще в 1503–1508 гг., острие клина сместилось юго-западнее и располагалось сначала в верховьях Северского Донца (в 1596 г. здесь был построен Белгород), а потом и в его среднем течении, где впоследствии был построен в 1600 г. Царев-Борисов. Таким образом, острие клина на южной границе, нацеленное на Азовское море, к концу XVI в. вплотную приблизилось к Крымскому Ханству.

Кроме того, в середине XVI в. появился второй южный геополитический клин, расположенный восточнее первого и нацеленный на Каспийское море. Его образование связано с тем, что в первую половину царствования Ивана IV российская геополитика явно сосредоточилась на восточном направлении. Построение Свияжской крепости в 1551 г., подчинение Москве приволжской горной стороны, населенной черемисами (мари) резко усилили московское влияние на Казанское ханство. Сажая на казанский трон своего ставленника Шаха-Али, Иван IV «отписал» всю горную сторону Казани к городу Свияжску. Это был подготовительный шаг к уничтожению самостоятельности Казанского ханства. Обычное обращение антимосковской партии Казанского ханства к ногаям и Крымскому ханству вызвало царский поход под Казань, кончившийся покорением ханства в 1552 г.; вслед за тем была покорена западная Башкирия.

Таким образом, появилось достаточно широкое основание второго южного геополитического клина. Его острие располагалось в районе Самарской луки, постепенно продвигаясь вниз по течению Волги, в сторону Астраханского ханства.

С 70-х годов XVI в. здесь также началось строительство засечных черт, постепенно продвигавшихся на юг. Они представляли собой укрепленные линии в виде валов, рвов, лесных засек со сторожевой службой. В эти укрепления входили города, остроги и крепости. Они не только служили для защиты от набегов кочевников с юга, но и опорными пунктами колонизации. Первой была построена засечная черта от Темникова к Алатырю и Тетюшам. Позже начала возводиться Симбирская черта, а затем – Закамская, которая начиналась на левом берегу Волги и шла на восток почти до устья реки Белой. На протяжении Закамской линии появилось восемь острогов, в том числе Билярск, Новошешминск, Заинск, Мензелинск.

Интересно, что большинство засечных черт, обеспечивавших колонизацию Поволжья, было сооружено уже после присоединения Астраханского ханства, в которое упиралось острие второго геополитического клина.

Астраханское ханство располагалось в низовьях Волги и в Северном Прикаспии. На севере его границы доходили до бывшей столицы Золотой Орды – города Сарай-Бату, к тому времени запустевшего, на востоке проходили по реке Бузан, на юге и западе шли, кроме каспийского побережья, по Тереку, Кубани и Дону. Следовательно, на юго-западном направлении Астраханское ханство располагалось уже в Азии, хотя междуречье Кумы и Терека не контролировалось ханами в полной мере.

Столица ханства Астрахань (Астархан), построенная в конце XIII в. на высоком бугре, на правом берегу Волги, находилась в 12 километрах выше современной Астрахани. Однако земли ханства выходили непосредственно к каспийскому побережью.

Ставший с момента своего возникновения центром торговли, Астархан быстро рос и креп до 1396 г., когда правители сдали его без боя войскам Тамерлана. После их ухода на месте процветающего города осталось страшное пожарище. И хотя город был заново отстроен, он потерял былое значение торгового центра, а, следовательно, и средства для экономической и политической самостоятельности. Поэтому Астраханское ханство почти всегда находилось в зависимости от более сильных Казанского и Крымского ханств. В XVI в. Крымское ханство, во главе которого стоял Саиб-Гирей, стремилось полностью покорить Астрахань. Для борьбы с ним Астраханское ханство сблизилось с Россией и в 1547 г. заключило с ней договор.

После этого борьба России и Крыма за Поволжье еще более активизировалась. В том же 1547 г. Саиб-Гирей захватил Астрахань и посадил на престол хана Ямгурчи, враждебно настроенного по отношению к России. Иван Грозный, заинтересованный в получении Россией выхода к Каспийскому морю, послал в 1554 г. в Астрахань русские отряды под руководством воеводы князя Юрия Пронского – Шемякина и постельничего Игнатия Вешнякова, которые почти без боя захватили Астрахань. На престол был посажен ставленник Москвы Дервиш-Али [3].

Однако Дервиш-Али вскоре вступил в сговор с крымским ханом Девлет-Гиреем и пригласил к себе крымского царевича Хасбулата в должность калги (советника). Это спровоцировало новый поход русских войск под руководством Ивана Черемисинова в 1556 г. Дервиш Али был свергнут за измену и бежал в Азов, но позже был схвачен и под караулом препровожден в Москву. Астраханское ханство было окончательно присоединено к России.

С этого момента начинается период реального проникновения России в Азию. Тогда, впервые выйдя к Каспийскому морю, Россия получила возможность свободного плавания по нему. Географически Каспийское море принадлежит Азии, ибо как раз по его берегу проходит символическая граница между Европой и Азией. Северное и северо-западное побережье Каспия являются европейскими территориями до реки Урал на востоке и до линии водораздела Большого Кавказского хребта и реки Кумы на юге, а восточное, южное и юго-западное побережья Каспийского моря уже являются территориями Азии.

Вскоре в Астрахани – уже российской – вновь появились восточные купцы, привыкшие там торговать. Они приезжали, прежде всего, из Шемахи, Дербента, Шавкала, Тюмени, Хивы, Сарайчика. Хивинский и Бухарский ханы прислали своих послов в Москву с дарами, желая получить разрешение на свободную торговлю в России.

Кроме того, присоединение Астрахани вызвало череду добровольных присоединений окружающих бывшее ханство народов. Уже в 1557 г. мурза Большой ногайской Орды Исмаил, помогавший Черемисинову в последнем походе, признал вассальную зависимость Орды от России. В том же 1557 г. добровольно присоединилась к России восточная Башкирия. На юго-западных рубежах бывшего Астраханского ханства присягнули русскому царю в верности черкесские князья. Таким образом, был открыт путь для активизации южного вектора российской геополитики по обоим берегам Каспийского моря как в кавказском, так и в центральноазиатском направлениях.

Все эти события в геополитическом плане тесно связаны с другим важным событием того же периода. В 1553 г. в Двинском заливе Белого моря появился впервые английский корабль под управлением капитана Ченселера. Он пристал к берегу возле монастыря Святого Николая, где позже был основан Архангельск. Вскоре англичане были доставлены в Москву, где встречались с Иваном IV и передали ему грамоты от короля Эдуарда VI. Англия, еще не ставшая ведущей морской державой, в этот период активно соперничала с Испанией, Португалией, Венецией и Генуей. Поэтому она упорно искала альтернативные торговые пути в Индию и Китай, а Россия как раз оказалась на этих путях.

В феврале 1554 г. Ченселер отплыл на родину. Однако уже в следующем 1555 г. он вновь появился в России с грамотами от новой королевы Марии и с первыми английскими товарами, в основном, сукном и сахаром. Было подписано торговое соглашение, и в 1556 г. вместе с Ченселером в Англию отправился первый российский посланник Иосиф Непея. Несмотря на то, что в договоре главным местом для обмена английских товаров на российские были утверждены Холмогоры, пристань Святого Николая стала быстро расти, вскоре став крупным торговым поселком, а с 1584 г. приобрела статус города, названного Архангельском. К этому времени к англичанам в торговле с Россией через Бе-

лое море присоединились голландцы (начало 1577 г.). Архангельская ярмарка работала в период навигации – с мая по сентябрь. Русские купцы скупали там английские и голландские товары и везли их по волжскому торговому пути в Астрахань, где продавали с немалой выгодой восточным купцам. В обратном направлении также шел поток восточных товаров, приобретенных в Астрахани. Архангельск стал единственными морскими воротами страны на севере, а Астрахань – на юге.

Так появился новый российский торговый путь, связавший Белое море с Каспийским. Основными транспортными артериями пути стали реки Волга, Северная Двина и ее левый приток Сухона. По своему значению для геополитики государства он очень напоминал знаменитый Путь из Варяг в Греки, явившийся осью, хребтом для строительства Киевской Руси. Практически сразу же, уже во второй половине XVI в., новый путь превратился в геополитическую ось, не только связывающую два торговых пункта, но и соединяющую коренные русские земли с вновь присоединенными территориями.

Конечно, волжский торговый путь существовал и оказывал огромное влияние на Московскую Русь и в предыдущие века. Так, М.Н. Тихомиров писал, что «пожалуй, самое мощное влияние на словарь русских людей XIV – XV веков оказал Восток, в первую очередь, Средняя Азия и Персия, – влияние глубокое и вполне объяснимое. С этими странами Россия была связана великим волжским путем. Наша «кормилица» Волга была просторной и удобной одной дорогой между Востоком и Западом. России того времени, почти оторванной от больших морей, морские пути возмещали речные, делавшие доступными для торговли и культурных связей даже отдаленные уголки нашей страны» [4].

Но после включения всего бассейна Волги в состав Русского государства этот путь не только удлинился на север до Белого моря, но и, по сути, явился открытым лучом, по которому осуществлялась российская геополитическая экспансия в южном направлении.

После присоединения Астрахани второй южный клин отклонился юго-западнее, расположившись на Каспийском побережье между реками Кума и Терек – в месте возникновения и закрепления терского казачества. Его острие упиралось в устье Сунжи, впадавшей в Терек. На этом месте в 1567 г. возник Сунженский городок.

На присоединение татарских ханств и геополитическое продвижение Москвы на юг Крым ответил рядом ультиматумов и набегов на южную Россию. Дважды Крымский хан направлял в Москву ультиматумы с требованием вернуть Казань и Астрахань татарам и поставить своего сына Адиля ханом Казани. Москва ответила отказом, но предложила, чтобы ханзаде из Крыма приехал в Россию, взял в жены приемную дочь бывшего казанского хана Шаха Али и стал ханом Касимова. Таким образом, Москва в этот период всеми силами стремилась перевести геополитическую игру в дипломатическое русло, закрепляясь на присоединенных территориях и абсорбируя их*. Крымский хан ответил на это: «У меня хватит богатств, чтобы содержать свое дитя. Касимов ему

---

* Термин в его геополитическом значении принадлежит отцу-основателю геополитики Ф. Ратцелю.

не нужен. Если по-хорошему не дашь Казань и Астрахань, то все равно их у тебя отнимет Турция» [5].

Последовавшие за этим набеги удалось отбить еще в пограничных регионах. Для закрепления успеха ряд царедворцев предлагал перейти от оборонительной тактики к наступательной. В результате при московском дворе образовалась партия с ведущими деятелями Избранной Рады – Сильвестром и Алексеем Адашевым во главе, выдвигавшая план покорения Крыма и геополитического выхода России в Черное море. Более чем за двести лет до Екатерины II появилась реальная возможность достичь оптимальной южной границы, то есть береговой линии Черного и Азовского морей. Очевидно, к этому склонялся первоначально и царь. В одном из посланий к ногайскому князю (1556 г.) Иван IV писал, что может выставить против крымцев 400000 ратников [6].

Начавшаяся в 1558 г. Ливонская война оттянула большую часть этого гипотетического войска. Вдохновленный известиями о Ливонской войне, Девлет-Гирей собрал до 100000 всадников и в декабре 1558 г. вторгся в Россию, дойдя до реки Мечи. Здесь, узнав, что в Белеве, Рязани и Туле стоят сильные русские войска, крымское войско повернуло назад. Князь Воротынский преследовал его до Оскола, а донские казаки, появившись у перекопа, разбили улусы ногаев, перешедших на сторону Девлет-Гирея.

Вскоре, после смерти первой жены царя Анастасии Романовой в августе 1560 г., главные идеологи и вдохновители геополитической экспансии России на юг были подвергнуты опале и сосланы: Сильвестр – в Соловецкий монастырь, а А. Адашев – в Юрьев. После их падения и гибели план был похоронен окончательно.

Однако южное направление, тем не менее, и в этот период оставалось актуальным для геополитической деятельности Москвы, так как активизировалась стоящая за Крымом Турция. В 1566 г. умер султан Сулейман Великолепный, и на турецкий престол взошел Селим II, одержимый идеей освобождения поволжских мусульман от христианского владычества. Для ее реализации он предполагал использовать геополитические факторы, особенно географическую близость Дона и Волги в районе современного Камышина. Их предполагалось соединить каналом и ввести в Волгу Черноморский флот. В 1569 г. султаном были посланы 17-тысячное войско, орудия и рабочие для рытья канала. Для их поддержки и прикрытия из Крыма было выдвинуто 50-тысячное войско [7].

Однако строительство продвигалось чрезвычайно медленно, и отчасти из-за саботажа Крымского хана. Он опасался, что с выходом турок на Волгу роль Крыма как форпоста в борьбе с неверными ослабнет, иссякнет помощь из Турции, и станут невозможными грабительские походы в Южную Россию. В то же время при неудаче турок именно Крыму придется столкнуться с ответными походами русских, уже узнавших и морской, и сухопутный пути к центральному району ханства. В результате крымские войска вернулись в Крым, а турки, не достроив канал, двинулись к Астрахани. Не решившись штурмовать город, они пытались построить рядом с ним крепость и ждать подмоги, но, получив сообщение, что на Астрахань идут русские войска, вернулись в Турцию.

После этого Селим II решил действовать руками крымцев. По приказу из Стамбула летом 1570 г. крымский хан Девлет-Гирей со 120-тысячным войском подверг опустошительному набегу ряд рязанских земель. В мае 1771 г. в ходе нового, еще более страшного набега, Девлет-Гирей, разбив русское войско у Серпухова, появился под стенами Москвы. Опричное войско оказалось на редкость небоеспособным, в результате чего татары окружили Москву, взяли штурмом, сожгли и разграбили. Было убито 8 тысяч человек и взято в плен около 150 тысяч. Отступая из Москвы, хан оставил Ивану IV письмо с требованием Казани и Астрахани и угрозой повторного похода в случае отказа.

Был момент, когда Иван IV готов был согласиться на частичную уступку. Он направил в Бахчисарай посла с компромиссным предложением автономии Астрахани, в которой будет править сын крымского хана, однако назначит его ханом царь. Тем самым предполагалось создать полуавтономное буферное государство типа Касимова. Крымский хан ответил буквально следующее: «Ты соглашаешься передать нам Астрахань, а себе оставить Казань. Как же может быть, чтобы хвост одной и той же реки будет у меня, а голова у тебя?» [8]. Из этого видно, что главным в противостоянии с Россией для Турции и Крыма был не идеологический мотив – освобождение единоверцев, а вполне геополитический – контроль над важнейшим в стратегическом и экономическом планах волжским торговым путем.

Летом 1572 г. Девлет-Гирей предпринял новый поход на Москву. Однако на этот раз ему противостояла не опричная армия, а большая и боеспособная стрелецко-дворянская под командованием князя М.И. Воротынского. Хан проиграл битву на реке Молодь под Серпуховом и отступил. После этого Бахчисарай согласился на предложение Москвы, но оно не устраивало уже самого царя, который не только не отдал Астрахань, но и отказался выплачивать обещанную контрибуцию.

Вскоре Девлет-Гирей умер, а его преемник не решался вступать в войну, удовлетворяясь дарами, приходящими из России. Это происходило и в силу охлаждения отношений между Крымом и Турцией, и в силу личностных качеств нового хана. Последующие ханы были заняты собственными проблемами. Так Поволжье осталось в руках России, но и Крым не был разгромлен и присоединен. Первый южный геополитический клин, таким образом, исчерпал свою наступательную динамику, превратившись в более-менее стабильную фронтальную границу на два последующих столетия. Южная граница России слилась с северной границей Крымского ханства.

Практически одновременно с крупными походами Девлет-Гирея, воодушевленный его победами сибирский хан Кучум перестал выплачивать дань Руси и начал собственные набеги на ее восточные окраины – владения Строгановых. Это привело, как известно, к организованному Строгановыми ответному походу дружины атамана Ермака и захвату ею Кашлыка – столицы Сибирского ханства. Вскоре, в марте 1583 г., в Кашлык прибыли московские воеводы и стрелецкое войско для оказания помощи отрядам Ермака. Для нас важен, впрочем, не сам факт присоединения Западной Сибири, а соприкосновение российских земель с казахскими племенами по широкому фронту, что приводит к образованию третьего южного геополитического клина – Закаспийского, или

Центрально-азиатского, динамика которого получит развитие на следующем историческом этапе.

После смерти Ивана Грозного в 1584 г. при последнем царе из рода Рюриковичей Федоре Иоанновиче активной экспансии по южному вектору не наблюдается. Здесь, несомненно, нужно было освоить громадные территории, присоединенные в предыдущее правление. Поэтому можно отметить активное строительство городов по каждому из трех направлений южной геополитики. Особенно показательным был в этом плане 1586 г., когда в центре Черноморско-Азовского направления был возведен Воронеж, на Каспийском направлении – Самара, на Центральноазиатском – Уфа.

Подводя итоги геополитического продвижения России по южному вектору в первый период, можно констатировать, что за 140 лет, прошедших от вокняжения Ивана III до начала Смутного Времени, Россия добилась ошеломительных успехов. Первый геополитический клин отодвинул ее границу на юг более чем на 700 километров, второй продвинулся на юг более чем на 1000 километров. Особенно важным было закрепление России в Каспийском регионе. В результате, если в начале этого периода Москва контролировала территорию менее чем на 200 километров к югу, то теперь максимальное расстояние контроля от столицы до Сунженского городка составило более 1300 километров. Внутри государства оказались важные стратегические и экономические объекты – весь бассейн Волги, почти весь бассейн Дона, а также побережье Каспия от Яика на востоке до Терека на юго-западе. России удалось не только присоединить, но и отстоять обширные территории на юге и юго-востоке. Русское государство сохранило плацдарм на Кавказе, а, следовательно, и возможность проведения там собственной политической линии в будущем.

Каспийское направление российской геополитики в XVII веке

Смутное время вызвало временную потерю контроля Москвы над рядом юго-западных, западных и северо-западных территорий государства. Это приостановило динамику реализации южного вектора российской геополитики. Вся энергия государства была направлена сначала на сохранение России как самостоятельного субъекта мировой политики, а потом и на урегулирование отношений с западными соседями – Речью Посполитой и Швецией. При этом сравнительно недавно присоединенные южные территории становились зоной политического сепаратизма и объектом геополитических проектов авантюристов.

На наиболее интересующем нас каспийском направлении было два очага нестабильности – низовья Терека и низовья Волги. В 1606–1607 гг. они, по сути, слились воедино в движении Лжепетра. По мнению Р.Г. Скрынникова, «ядро войска «Петра» составляли терские и волжские казаки. К ним присоединились отряды донских казаков» [9]. Это войско предприняло поход по Поволжью и позже поддержало Болотникова в Калуге и Туле. Другой авантюрист, казачий лидер Иван Заруцкий с Мариной Мнишек и сыном Лжедмитрия II Иваном пытались уже в конце Смутного времени, в 1613 г., создать в Астрахани отдельное государство под протекторатом Персидского Шаха. «У Заруцкого были тогда широкие затеи; он задумал накликать на Русь силы персидского

шаха Аббаса, втянуть в дело и Турцию, поднять юртовских татар, ногаев, волжских казаков, стянуть к себе все бродячие шайки черкас и воров московского государства» – писал Н. Костомаров [10].

После избрания на российский престол Михаила Романова в 1613 г. начинается новый период развития южного вектора российской геополитики. Начинается, совершенно естественно, с установления полного контроля над полуотпавшими южными землями, уже присоединенными в минувшем веке. Донские казаки, активно участвовавшие в выборах нового царя, прекратили активную борьбу с Центром, сосредоточившись на своих прямых обязанностях – охране южных границ от крымцев и турок. Терские казаки в начале XVII в. укрепляли контроль над долиной Терека, продвигаясь по ней на запад, до границы с вассальной Кабардой, и на юг, до границ с Дагестаном. Промосковское восстание в Астрахани заставило Заруцкого с сообщниками перебраться на Яик, где он и был арестован, а позже казнен. После этого была укреплена государственная власть в Астрахани.

После возвращения из польского плена отца нового царя патриарха Филарета в 1619 г., новые российские земли было решено не только укрепить, но и посчитать, и описать. Так, в 1619 г. был издан царский Указ о производстве первой поземельной переписи в России. Через 8 лет, в 1627 г., Разрядный приказ по указанию царя принял решение об изготовлении карт Российского государства и области между Доном и Днепром. Также была составлена «Книга Большому чертежу», то есть указателя к картам. Любопытно, что область между Доном и Днепром, то есть территорию первого геополитического клина на южном направлении, контролируемую Донским казачеством, не включали однозначно в Российское государство, хотя учитывали, переписывали и картографировали российские чиновники. В то же время северное и северо-западное побережья Каспийского моря, бесспорно, включались в государственные земли. Таким образом, Россия закреплялась в Прикаспийском регионе всерьез и надолго. При этом ей пришлось столкнуться здесь не только с местными народами, но и с двумя крупными региональными лидерами – Османской империей и сефевидским Ираном. В указанный период отношения России с Турцией были постоянно конфликтными за редким исключением кратковременных затиший. С Ираном же все обстояло с точностью до наоборот: «русско-иранские политические и экономические отношения продолжали оставаться дружескими» [11], лишь иногда осложняясь рядом противоречий по отдельным пограничным вопросам.

Рубеж XVI – XVII вв. и первая половина XVII в. явились временем противостояния и войн этих государств за влияние на Кавказе. В конце XVI в. победила в этой борьбе Турция. Ей удалось захватить Азербайджан, Ширван и в 1583 г. взять Баку. Это означало выход Турции к Каспийскому морю, на котором появился ее флот, препятствовавший русской восточной торговле. Турецкие корабли строились в пристани у Низабата, куда ранее приходили русские военные суда. В связи с этим в России возник план постройки нескольких крепостей в Дагестане, а также нового похода на Кавказ со стороны Астрахани, не реализованный в связи с коллизиями Смутного времени.

Однако на рубеже XVI – XVII вв. персидском шаху Аббасу I (Великому) удалось создать постоянную армию, вооруженную огнестрельным оружием и артиллерией. Одновременно он пытался опереться на помощь России в борьбе с Турцией. Так, еще в 1590 г. Аббас I обещал за военную помощь против Турции передать России города Дербент, Шемаху и Баку, находившиеся в руках турок.

В 1603 г. он начал военные действия на западных границах своего государства. К 1607 г., используя русскую военную помощь по обеспечению безопасности своей северной границы на Тереке, притом без какой-либо компенсации, Аббас I отвоевал у турок все захваченные в Каспийском регионе иранские земли [12]. В результате долгих, но успешных военных действий к 1612 г. Сефевидское государство вернуло себе значительную часть Грузии, Армении, а также Азербайджан, Курдистан, Диярбекир, Мосул, Багдад. Во владение Персии перешли также Хорасан, являвшийся предметом спора между узбекскими ханами и Сефевидами, и западная часть нынешнего Афганистана.

В 1622 г. Сефевидское войско под командованием полководца Алаверды-Хана изгнало португальцев из Ормуза в Персидском заливе. В этой операции оно было поддержано флотом английской Ост-Индской компании, за что англичане потребовали предоставления права беспошлинной торговли в пределах всего Сефевидского государства, права иметь свои конторы и торговые дома в Исфагане, Ширазе, Бендер-Аббасе. Так было положено начало геополитическому проникновению англичан в Иран и в Прикаспийский регион. Одновременно проявляют интерес к региону и другие европейские державы, предпочитающие действовать через Россию. Так, прибывшее в Москву в 1634 г. посольство голштинца А. Олеария получило разрешение на торговлю с Персией через территорию России в течение 3 лет.

В 1639 г. ирано-турецкие войны завершились договором, разделившим спорные территории на сферы влияния: Восточная Грузия, Восточная Армения, Азербайджан и Дагестан оказались под властью иранских шахов. Западная Грузия, Западная Армения, земли Причерноморья и Прикубанья отошли к Турции.

Таким образом, к середине XVII в. на Каспийском море осталось только два государства: его северное побережье принадлежало России, а западное и южное – Ирану. Находившиеся на восточном берегу среднеазиатские народы (в основном, казахи Малого Жуза и туркмены) не имели государственности и возможностей для строительства флота и мореплавания.

Одной из главных задач России в этот период стал геополитический контроль над прикаспийскими территориями. Эта функция осуществлялась гребенскими казачьими городками, охранявшими русско-иранскую границу (Курдюков, Гладский, Щедрин, Червлёный), деревянной крепостью Терки на Тереке, каменным городком-крепостью Гурьевым, основанным купцами Гурьевыми в 1640 г. в устье Яика на границе с казахами (ныне г. Атырау в Казахстане), и каменным кремлем Астрахани.

Астрахань в этот период была главной военной базой России на Каспийском море, важнейшим торговым портовым городом и самой сильной в Прикаспийском регионе крепостью. Она занимала выгодное положение недалеко

от устья Волги, связывающей внутренние области России, и была защищена тройными укреплениями, состоящими из Кремля, Белого города и Земляного города. В ней находился крупный военный гарнизон. Без преувеличения Астрахань второй половины XVII в. можно назвать геополитической опорной точкой, из которой распространялись российское влияние и контроль над окружающим пространством. Однако геополитическое продвижение в этот период было не линейно-завоевательным, а, скорее, защитно-притягательным.

Условия жизни населения подвластных Турции и Ирану кавказских территорий были крайне тяжелыми. В указанный период возникло широкое национально-освободительное движение народов, видевших в русском государстве силу, способную противостоять Ирану и Турции, представлявшим для них серьезную угрозу. Присутствие русских войск, не раз встававших на пути османских и иранских завоевателей, стало важным фактором в борьбе горских народов.

Так, неслучайно в 1639 г., после ирано-турецкого раздела сфер влияния, кахетинский царь Теймураз подтвердил присягу о вступлении Кахетии в русское подданство, а в 1658 г. лично приехал в Москву просить о поддержке против Иранского шаха [13]. В 1651 г. принял российское подданство царь Имеретии Александр. Также во второй половине XVII в. завершился процесс этнической консолидации кабардинцев, что позволило уточнить их границы – от верховьев Кумы на западе до реки Сунжа на востоке. К концу XVII в. почти все владения Большой и Малой Кабарды признали верховенство Москвы [14]. В 1667 г. был подписан Трактат (договор) царского правительства с армянской торговой компанией о торговле России с Ираном с ее помощью, после чего армянский Каталикос обратился к Алексею Михайловичу с просьбой о защите армян от иранских властей. Очевидно, это послужило поводом для указа царя Алексея Михайловича о строительстве в Астрахани первого русского военного корабля под названием «Орел», предназначенного для похода в Каспийское море. Он был построен и спущен на воду 14 ноября 1667 г. Этот факт говорит о планах российского правительства контролировать не только береговое пространство Каспия, но и водное.

Несмотря на это, в целом отношения России с Ираном в Прикаспийском регионе оставались мирными и добрососедскими. Они были омрачены лишь событиями 1668–1669 гг. – «походом за зипунами» атамана Степана Разина, разграбившего Баку, Решт, Фарахабад, Дербент и разгромившего шахский флот. Последующие события, инициированные С. Разиным – захват прикаспийских крепостей Гурьева, Камышина, Красного Яра, и, наконец, овладение Астраханью 22 июня 1670 г. – значительно ослабили геополитические позиции Российского государства в регионе. После казни С. Разиным всех «начальных людей» астраханского гарнизона, включая воеводу Прозоровского, осуществлять планомерную политику по контролю над пространством стало попросту некому. Даже после взятия Астрахани царскими войсками 27 ноября 1671 г. не сразу она смогла восстановить свое значение в качестве геополитического опорного пункта в продвижении на юг.

Подводя итоги второго периода, можно констатировать, что Российское государство в XVII в. в Каспийском регионе не продвигалось на новые терри-

тории, а восстанавливало утраченный контроль над ранее присоединенными землями, закреплялось с помощью строительства крепостей и оборонительных сооружений, проводило политику привлечения на свою сторону и защиты местных народов. Одновременно в этот период определилось устойчивое соотношение сил и интересов в Каспийском геополитическом треугольнике. Россия и Иран, несмотря на соперничество, порой перераставшее в вооруженные столкновения, тем не менее, постоянно поддерживали друг друга в борьбе с Турцией. Следовательно, если в первый период Россия только вышла на Каспийское море, то во втором была разработана осознанная геополитическая стратегия. Тем самым была подготовлена база для последующих периодов реализации каспийского направления российской геополитики.

Каспийское направление российской геополитики в XVIII веке

Очередной, третий период ознаменовался смелыми планами Петра I по подчинению всего Прикаспийского региона. Они диктовались как экономическими, так и политическими причинами. К этому времени через Астрахань были установлены торговые отношения со среднеазиатскими ханствами, Ираном и Закавказьем. В то же время Турция, основной соперник России в регионе, пользуясь ослаблением Ирана, стремилась расширить свои границы на Кавказе, что представляло угрозу политике России на Каспии. Однако до окончания Северной войны у России не хватало сил и средств для решения этой задачи военным путем. Поэтому первые шаги были связаны с применением мирной дипломатической тактики.

В 1700 г. хивинский хан Шах-Нияз обратился к царю Петру I с просьбой принять его в русское подданство. Это было вызвано стремлением найти защиту от бухарского хана, в зависимости от которого находилась тогда Хива. Петр I дал согласие, а через три года он подтвердил его новому хивинскому хану Аран-Мухаммеду. Об этом событии оповестила первая русская газета Ведомости в апреле 1703 г. Однако войны со шведами и турками отвлекли внимание Петра от Средней Азии, и по сути дела реального присоединения Хивы не произошло.

Главной целью активизации политики России в регионе для Петра I стали соображения обеспечения водного (по Каспийскому морю или реке Амударье) пути в Индию и сопредельные страны, то есть, фактически, продолжения геополитической оси Архангельск-Астрахань на юг и закрепление на восточном побережье Каспия. Так, в 1714–1715 гг. были основаны крепости и пункты базирования флота на полуострове Мангышлак и Балханском заливе (Красные воды). В 1616 г. кабардинскому князю на русской службе А. Бековичу-Черкасскому было поручено разведать обстановку на восточном побережье Каспийского моря и вновь склонить хивинского хана, формально владевшего этими территориями, в русское подданство. Не случайно в состав посольства А. Бековича-Черкасского в 1717 г. была включена специальная морская команда численностью 232 человека во главе четырех морских офицеров, одного штурмана, а также 71 матросов и специалистов-корабелов.

Петром I было предписано «хана хивинского склонить к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего представлять ему

гвардию к его службе и чтоб он, зато радел в наших интересах. Буде он то охотно примет, а станет желать той гвардии и без нее ничего не станет делать, опасаясь своих людей, то оному ее дать сколько пристойно, но чтобы были на его плате, а буде станет говорить, что перво нечем держать, то на год и на своем жаловании оставить, а впредь чтобы он платил. Будучи у Хивинского хана, проведать о бухарском, не можно ли его хотя не в подданство (ежели того нельзя сделать), но в дружбу привести таким же манером, ибо и там же ханы бедствуют от подданных» [15].

Из Инструкции видно, что российское правительство было хорошо осведомлено о политических процессах, происходивших в Хивинском и Бухарских ханствах. По сути, Петром I предпринималась попытка установления политического контроля над среднеазиатскими ханствами не прямым присоединением к государству, а с помощью протектирования, ставшего характерным инструментом в российской геополитике в этом регионе вплоть до 1917 г.

Однако попытка мирного присоединения не удалась. После неудачной попытки уничтожить экспедицию А. Бековича-Черкасского в открытом бою хивинский хан решил достичь этой цели иным путем. Он убедил Черкасского разделить свои вооруженные силы на несколько частей, якобы для лучшего обеспечения войска квартирами и продовольствием. Когда это было сделано, русские расчлененные отряды подверглись вероломному нападению и были вырезаны.

В связи с провалом миссии в восточном Прикаспии, внимание российской геополитики сосредоточилось на Прикаспии западном. В начале XVIII в. Персия переживала период хозяйственного упадка и политической децентрализации. Русское правительство было подробно осведомлено о положении прикаспийских территорий Персии как через русских и армянских купцов, так и через многочисленных посланцев, прибывавших из Грузии и Армении с просьбами о помощи.

Русское правительство стремилось не допустить перехода Азербайджана, восточной Грузии и Восточной Армении в руки более сильной Турции, чье утверждение на западном побережье Каспийского моря создало бы непосредственную угрозу российским геополитическим интересам в регионе. Завершение Северной войны, афганское нашествие на Персию (1722 г.) и подъем освободительного движения в странах Закавказья создавали исключительно благоприятную обстановку для выступления России. Оно было ускорено угрозой вторжения турок в иранские владения.

В июне 1722 г. Петр I выпустил манифест персидскому народу, в котором заявил, что Россия выступает не против Персии, а для обуздания афганских завоевателей. Одновременно он заручился поддержкой калмыков.

В середине июля 1722 г. в становище у реки Соленой состоялась встреча Петра I и калмыцкого хана Аюка. Во время беседы были оговорены цели и задачи калмыцкого войска во время Персидского похода. В конце церемонии Петр I преподнес хану боевую саблю, украшенную алмазами и самоцветными камнями. Аюка представил царю Петру своих лучших воинов, заверив, что они «всегда будут готовы на поражение врагов России».

Любопытно, что калмыки – монголоязычный народ, исповедующий буддизм, – появились на территории России лишь на рубеже XVI – XVII вв. Они ведут свое происхождение от ойратов Джунгарии, часть которых в указанный период переместилась к нижнему течению Волги. Здесь они расселились в Западной части Прикаспийской низменности и в Кумо-Манычской впадине и смешались с местными тюркскими народами [16]. Их переселение и обустройство в северном Прикаспии говорят о слабости российской геополитики в Смутное время, а переговоры с ними Петра I – о мудрой политике российского правительства, направленной на мирную интеграцию прикаспийских народов в Российскую Империю.

В сентябре 1722 г. русские войска заняли Дербент, а летом 1723 г. – Баку. Между этими событиями, в ноябре 1722 г., Петр I издал указ о строительстве в Астрахани военного порта. Вскоре туда пришли по Волге корабли, построенные в Казани. Это позволило перейти к следующей фазе реализации геополитического плана. Получив от гилянцев просьбу о помощи против афганцев, Петр морем направил русские отряды в Энзели и Решт. Турция, обеспокоенная вступлением Российской империи в Закавказье и используя развал Сефевидского государства, весной 1723 г. выступила против Ирана. Турецкие войска вторглись в Восточную Армению. Угроза со стороны Турции побудила шаха Тахмаспа II направить своего посла Исмаил-Бека в Петербург, чтобы заручиться поддержкой России в борьбе против Турции и афганцев.

12 (23) сентября 1723 г. Исмаил-бек подписал с Петром I Петербургский договор, по которому Россия за военную помощь Ирану получала четыре прикаспийские провинции: Ширван, кроме Шемахи с уездом, Гилян, Мазандеран и Астрабад (Горган) [17]. Ширван с городами Дербент и Баку к этому времени уже контролировался российской армией. На основании договора Россия ввела свои войска в Гилян, но Мазандеран и Астрабад фактически никогда не были заняты русскими войсками. Персия фактически признала господствующее положение России на море.

Геополитические планы Петра предусматривали соединение русской армии с войсками закавказских христиан и совместные действия в Закавказье. Эти планы оформились в результате длительных переговоров русского правительства с деятелями армянского и грузинского освободительного движения. Союзники планировали создание в восточном Закавказье грузино-армянского государства под протекторатом России. В случае успеха это был бы важный плацдарм для распространения российского геополитического влияния на регион.

Однако планы переселения христианского населения в прикаспийские провинции спровоцировали там народное недовольство, и вскоре Иран отказался ратифицировать Петербургский договор. Воспользовавшись ситуацией, Турция захватила почти все восточное Закавказье. Это значительно обострило русско-турецкие отношения. Чтобы не доводить дело до войны с Турцией, которую поддерживали Англия и Франция, Петр I 12 июня 1724 г. подписал в Константинополе русско-турецкий договор. По нему Грузия, провинции Ереванская, Тебризская и Казвинская, а также вновь образованное Шемахинское ханство переходили к Турции. За Россией оставались города и провинции, полученные

по Петербургскому договору. Конечно, закрепление Турции в Восточном Закавказье существенно подрывало геополитические позиции России в Прикаспии.

Очевидно, это обусловило строительство в 1724 г. крепости Святого Креста на реке Сулак в сравнительно небольшом удалении от границ Кабарды. Она должна была обеспечить оказание помощи кабардинцам в борьбе против Турции. Через этот регион проходили важные в геополитическом плане коммуникации – Дарьяльский путь, связывающий Закавказье с Северным Кавказом, и Северокавказский путь, связывающий Северное Причерноморье с Северным Прикаспием [18].

Сооружая крепость Святого Креста, русское правительство рассматривало ее как важнейший элемент в создаваемой системе укреплений на побережье Каспия, в междуречье Терека и Койсы. От нее планировалось дальнейшее продвижение на юго-запад. Однако после смерти Петра I политика России в Прикаспии претерпела существенные изменения. Правительство Екатерины I не только отказалось от решительных действий на Каспии, но и решило избавиться от прикаспийских провинций, удержание которых казалось невыгодным в экономическом положении. Тем не менее, русские войска находились в иранских прикаспийских провинциях 10 лет, до 1732 г., и еще три года после этого удерживали Баку и Дербент. «Избавление» от всех этих территорий произошло уже в царствование Анны Иоанновны.

В 1730-х годах обстановка в прикаспийском регионе радикально изменилась. Иранские войска под предводительством Надир-хана, выходца из тюркского племени афшар, изгнали афганцев из Ирана и повели успешное наступление против Турции. В то же время российская внешняя политика, находившаяся под сильным влиянием Вены, не проявляла активности в Каспийском регионе. Поэтому в январе 1732 г. в Реште был подписан русско-иранский договор, по которому провинция Гилян, Мазандеран, Горган снова перешли во владение шаха, а русские войска были отведены за Куру [19]. Смысл этих решений сводился к усилению Ирана в его борьбе с Турцией.

Кроме того, Рештский договор 1732 г. регламентировал свободу торговли и навигации на море, а также по рекам Аракс и Кура. Этот договор в отличие от договора 1723 г. предусматривал некоторые права для Персии, в частности, на судоходство. Россия разрешила ее торговым судам плавать по морю и заходить в порты. Что касается военных кораблей как во время войны, так и в мирное время, то только российские суда могли находиться в акватории Каспийского моря.

Успешные действия иранских войск против Турции в Закавказье в 1734–1735 гг., освобождение от турецких войск Северного Азербайджана, Восточной Грузии и Северной Армении значительно укрепили позиции Персии. Надирхан потребовал от России вывести все войска из прикаспийских провинций. 10 (21) марта 1735 г. между Россией и Ираном был заключен договор «вечного союза». В соответствии со ст. 1 города Дербент и Баку отходили к Ирану с условием, чтобы их «никаким образом и ни под каким видом в руки других держав, а паче общих неприятелей не отдавать» [20]. Под общим неприятелем подразумевались, естественно, Турция, и уже интригующая с ее помощью в

регионе Великобритании. По договору шах обещал также продолжать начатую войну с Турцией. Давались также взаимные обещания не заключать сепаратного мира с Турцией, правда, не выполненные Персией.

Гянджинский договор признавал власть Ирана над Дагестаном. Это означало, что граница между Персией и Россией проходила теперь по Тереку, севернее Кавказского хребта. Таким образом, закавказские народы оказывались под властью шаха. Крепость Святого креста, так и не выполнившую своего исторического предназначения, пришлось уничтожить, т. к. иначе она переходила под юрисдикцию Персии. Следовательно, Россия не только потеряла все завоеванные Петром I земли, но и лишалась возможности геополитического продвижения по намеченному лучу Астрахань – Терки – Крепость Святого креста и далее на юго-запад.

Ослабление геополитических позиций в Прикаспии привело к изменению соотношения сил на Кавказе в пользу Турции и Ирана, облегчило осуществление ими завоевательных походов не только в Закавказье, но и на Северном Кавказе. К тому же провозгласивший себя шахом и «грозою вселенной» Надирхан начал создавать собственный военный флот на Каспии. С помощью английского инженера Джона Эльтона он построил несколько военных судов, в том числе и первый крейсер, спущенный на воду в 1742 г. Судно позже было уничтожено русскими кораблями.

С 60-х годов XVIII в. политика России на Кавказе становится более активной. В этот период Иран вновь выбыл из геополитической борьбы в Прикаспии в связи с новой междоусобицей, поэтому судьба прикаспийского Кавказа опять решалась в соперничестве России и Турции. Их конфликт распространился не только на Дагестан и Кабарду, но и на Осетию, Ингушетию, Чечню и другие области. Русско-турецкая война 1768–1774 гг. окончательно изменила расстановку сил в пользу России. Это предопределило присоединение отдельных территорий Северного Кавказа к России: Ингушетии и Восточной Осетии (1770 г.), Кабарды и Северной Осетии (1774 г.), Чечни, Шамхальства Тарковского и Северной кумыки в 1771–1796 гг.

Присоединенные территории нужно было еще удержать и закрепить, а также распространять влияние вовне для дальнейшего продвижения. В этот период для указанных целей создаются опорные геополитические точки – крепости Кизляр и Моздок, ставшие центральными в кавказской линии русской границы (Кизлярская укрепленная линия). После присоединения Прикубанья южные границы России продвинулись к Кавказу, что усилило тягу народов Закавказья к установлению патрональных отношений с русским правительством для совместной борьбы с Турцией и Ираном. В течение 1777–1780 гг. было организовано укрепление оборонительной линии от Моздока до Азова в виде форпостов. Это позволило позже, в 1791 г., перенести линию границы на реку Кубань, а присоединенные земли – заселить запорожскими казаками с Буга.

Стремясь создать прочную геополитическую опору и в Закавказье, русская дипломатия в 80-х годах XVIII столетия выдвигала задачу объединения грузинских владений под протекторатом России и поддерживала идеи о восстановлении Армянского царства в Восточной Армении, высвободив ее из-под власти Ирана.

Большое историческое значение имело принятие в 1783 г. Грузинским царством, состоящим из Картли и Кахетии, по Георгиевскому трактату, покровительства России. В тот же период по предложению грузинского царя Ираклия II началась постройка дороги через Кавказский хребет, названной впоследствии Военно-Грузинской. В 1784 г. у входа в ущелье в начале этой дороги была основана крепость Владикавказ [21]. И город, и дорога стали важными геополитическими объектами, осуществлявшими связь Российских территорий с дружественным христианским Закавказьем, ставшим новым острием геополитического клина.

Однако к середине 80-х годов XVIII в. в Иране власть перешла к основателю каджарской династии Ага Мухаммед-хану, который задался целью подчинить своей власти все Закавказье. К 1794 г. он сумел объединить под своей властью почти весь Иран, после чего направил всем закавказским и южноазербайджанским правителям фирманы, требуя покорности. Ввиду отказа большинства ханов Азербайджана и царя Картли-Кахетии принять фирман, летом 1795 г. его войска двинулись в пределы Закавказья. Иранские войска razорили Талышское, Нахичеванское и Ереванское ханства. Однако крепость Шуша оказала им стойкое сопротивление и в течение 33 дней успешно оборонялась, нанося чувствительные удары противнику. В результате Ага Мухаммед-хан вынужден был снять осаду с Шуши и двинул свои войска в Грузию. Тифлис был почти полностью сожжен и разграблен, десятки тысяч жителей убиты, более 10 тысяч человек угнаны в рабство.

Российское правительство, обеспокоенное вторжением иранских войск в Закавказье и учитывая антииранские настроения местных правителей, в апреле 1796 г. направило в Азербайджан 30-тысячный корпус под командованием В. Зубова. Ага Мухаммед-хан спешно покинул пределы Закавказья. Русские войска при продвижении в Закавказье встретили жестокое сопротивление отдельных ханов. Дербентская крепость, в которой было сосредоточено 10000 бойцов, сопротивлялась особенно отчаянно. Тем не менее, 10 мая 1796 г. Дербент был взят. После этого Бакинский, Шекинский и Шемахинский ханы объявили о покорности России. Русские войска заняли Кубу, Баку, Шемаху, Гянджу. Ибрагим-хан Карабахский направил в лагерь Зубова своего сына Лютфалибека с изъявлением покорности.

Поход Зубова выполнил ту геополитическую задачу, которую поставила перед ним Екатерина II – присоединение Закавказья к России. Однако после смерти Екатерины II в 1796 г. вступивший на престол Павел I срочно отозвал русские войска обратно. Ага Мухаммед-хан воспрянул духом и в 1797 г. вновь вторгся в Азербайджан, в Карабахское ханство. На этот раз ему удалось захватить Шушу. Вскоре Ага Мухаммед-хан был убит в результате заговора дворцовых вельмож и местных феодалов, но его смерть не ликвидировала угрозы со стороны Ирана для закавказских народов. Новый шах Баба-хан, именуемый Фатали-шахом, вновь стал добиваться покорности закавказских правителей. Все эти события стимулировали ускорение процесса присоединения Грузии (в составе Кахетии и Картли) к России при Александре I в 1801 г., с чего, по нашему мнению, начинается новый этап в развитии каспийского направления российской геополитики, который будет рассмотрен в следующей статье.

Подводя итоги третьего периода, можно констатировать, что российская геополитика в XVIII в. развивалась волнообразно. Значительные успехи Петра I, добившегося фактически монопольного владения Каспием и Каспийским регионом, были нивелированы при его слабых последователях, особенно при Анне Иоанновне. В это время был допущен ряд просчетов и промахов, в результате которых были потеряны присоединенные ранее территории и значительно ослабели возможности по контролю над пространством. Новые важные успехи в процессе овладения Закавказьем при Екатерине II были сведены на нет непродуманной политикой Павла I.

В целом же, России удалось удержаться на Северокавказском участке Каспийского региона и распространить свое влияние на всем протяжении Северного Кавказа от Каспийского моря до Черного. Также Россия сумела выстроить продуманную и глубоко эшелонированную систему укреплений, которые, как и в предыдущие периоды, являлись одновременно и центрами колонизации. Важным достижением стало получение плацдарма для дальнейшего геополитического продвижения в лице Картли и Кахетии в составе Грузинского царства. Также в указанный период на Каспийском море появился российский флот, существенно облегчавший и распространение российского влияния, и контроль над региональным пространством. Кроме того, в указанный период в первом приближении сформировался в рамках каспийского направления российской геополитики новый путь продвижения по восточному побережью.

Три с половиной века формировалось Каспийское направление российской геополитики. Первые сто лет, с начала собирания русских земель южнее Московского княжества до основания Сунженского городка (1567 г.), ушли на то, чтобы дойти до Каспия и закрепиться там.

Последующие четверть тысячелетия Россия тщательно и скрупулезно формировала систему отношений как с региональными лидерами Каспийского региона – Персией и Турцией, так и с местными народами и мелкими государственными образованиями. Турция, поддерживаемая и подстрекаемая западными странами, прежде всего Великобританией, выступает через все периоды первого этапа как основной соперник, настроенный крайне враждебно к России и ее шагам в Прикаспийском регионе. Что касается Ирана, то здесь войны и столкновения сменяются периодами добрососедства и взаимопомощи. В целом же, Россия часто готова была жертвовать своими тактическими интересами в пользу Персии ради глобального стратегического выигрыша – недопущения Османской империи к Каспийскому морю.

Через весь исследуемый этап Астрахань оставалась главным центром и проводником российского геополитического влияния в Прикаспийском регионе. Можно смело говорить о геополитическом луче Москва – Астрахань, который уже от Астрахани расходился веером по новым опорным точкам. За это время были выстроены и укреплены городки и крепости, являющиеся и опорными точками – Гурьев, Терки, Кизляр, Моздок, Крепость Святого креста и ряд других. Появились и основные направления геополитического влияния вовне присоединенных территорий – вдоль Каспийского побережья от Астрахани через Терки к Дербенту, Баку и далее к южному Каспию, а также от среднего те-

чения Терека через Кавказский хребет к грузинским царствам Картли и Кахетии и далее к Эривани.

Национально-освободительная борьба кавказских народов постоянно учитывалась Россией как важный геополитический фактор. Россия неизменно делала ставку на поддержку этой борьбы и, в свою очередь, опиралась в своих геополитических шагах на помощь христианских народов – грузин и армян.

Несмотря на все сказанное выше, до XIX в. Каспийское направление оставалось не основным даже в южном векторе российской геополитики, уступая Черноморскому. И лишь на последующем, втором этапе Россия достигнет наибольшего могущества и влияния на Каспии и окружающих территориях, не только западных, но и восточных. Однако этот замечательный успех не был бы возможен без геополитической базы, с огромным трудом сформированной в Каспийском регионе в XVI – XVIII вв.

Summary

A.V. Beloglazov. The forming of the Caspian direction of the Russian geopolitics.

This article is devoted to the forming of the Russian geopolitics Caspian direction, which took place in the XVI – XVIII centuries. It discloses prerequisites and the process of Russian expansion into the Caspian region, inquires into its geopolitical rivalry with Persia and Turkey, the regional leaders. Special attention is paid to use of different geopolitical factors and different ways of strengthening in the region and the extension of spatial control sphere by Russia.

Примечания

1. *Переслегин С.* Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: законы геополитики // В кн. Классики геополитики. XX век. – М.: АСТ, 2003. – С. 701.
2. *Корнилов А.А.* Курс Истории России XIX века. – М.: Высш. шк., 1993. – С. 19.
3. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. VIII. – Калуга: Золотая аллея, 1994. – С. 529.
4. *Тихомиров М.Н.* Средневековая Россия на международных путях XIV – XV вв. – М.: Московский рабочий, 1992. – С. 192.
5. Термин в его геополитическом значении принадлежит отцу-основателю геополитики Ф. Ратцелю.
6. Цит. по: *Г. Газиз* (Газиз Губайдуллин). История Татар. – М.: Московский лицей, 1994. – С. 118.
7. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. VIII. Комментарий. 124 к гл. V. – Калуга: Золотая аллея, 1994. – С. 574.
8. Цит. по: *Г. Газиз* (Газиз Губайдуллин). История Татар. – М.: Московский лицей, 1994. – С. 119.
9. Цит. по: *Г. Газиз* (Газиз Губайдуллин). История Татар. – М.: Московский лицей, 1994. – С. 119, 121.
10. *Скрынников Р.Г.* Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. – Л.: Наука, 1988. – С. 154.
11. *Костомаров Н.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. – М.: Чарли, 1994. – С. 770.

12. Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений русского и иранского государства в 1586–1612 гг. – М., 1976. – С. 34.
13. Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. Граница России с Ираном (история формирования). – М.: ИВ РАН, 1998. – С. 11.
14. Всемирная история. Т. V. – М.: Изд-во Социально-эконом. лит., 1958. – С. 182.
15. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-крымских и в русско-турецких отношениях в XVIII веке. – М., 1991. – С. 27.
16. Цит. по: Дубовицкий В. Усмотрения корпусных командиров (или о мотивах и характере присоединения Средней Азии к России) // Центральная Азия и Кавказ. Общ.-полит. журн. (Швеция) (URL: <http://www.ca-c.org/datarus/dubovicki.shtml>).
17. Демографический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1985. – С. 172.
18. Трактат, заключенный в Петербурге 12 сентября 1723 года / Договоры России с Востоком. – Спб., 1869. – С. 186–189.
19. Лыцов В.П. Персидский поход Петра I 1722–1723. – М., 1951. – С. 99.
20. Трактат, заключенный в Реште 21 января 1732 г. / Договоры России с Востоком. — Спб., 1869. – С. 195–197.
21. Трактат, заключенный при Гянце 19 марта 1735 года / Договоры России с Востоком. – Спб., 1869. – С. 202–206.
22. Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М.: Междунар. отношения, 2003. – С. 29.

Поступила в редакцию
21.04.05

Белоглазов Альберт Владиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений и политологии Казанского государственного университета.